

Анненский: «Жалеть ли о нем?» (к 180-летию гибели М. Ю. Лермонтова)

18 июля 2021

Я знаю, что у "если бы" нет перспективы. А есть ли польза? Может быть, она в том, что дается простор мыслям. Пусть мыслям-фантазиям, но ведь мыслям. Это польза хотя бы самому себе.

Что если бы утром 13 мая на дорожной станции крепости Георгиевская (г. Георгиевск) подброшенная монета легла "орлом" вверх? Я думаю, что поручик Лермонтов согласился бы с судьбой и немедленно отправился по назначению, в крепость Темир-Хан-Шура (г. Буйнакск, Дагестан). И он знал, что его там может ожидать — это был передний край боевых действий. Не случайно по дороге родились стихи:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я...

Достаточно вспомнить, что спустя два года, в 1843-м, крепость выдержала несколько месяцев осады Шамиля.

А что если накануне, вечером 12-го, не случилось бы непогоды, мощного ливня, и была бы "ночь тиха", когда "пустыня внемлет Богу и звезда с звездой говорит"? Не случилось бы и розыгрыша. Подорожная была бы исполнена двумя ссыльными офицерами без остановки на ночлег.

В заветной записной книжке, подаренной В. Ф. Одоевским при прощании, к «Спору», «Сну», «Утесу» и «Они любили друг друга...», конечно, добавилось бы что-то ещё. Михаилу Юрьевичу в этот раз так хорошо писалось на перекладных. Прямо благодать какая-то сошла! Но добавилось то, что мы знаем, — семь чудо-стихотворений, семь великих произведений слова. Из-за них вопрос — стоило ли поворачивать в Пятигорск (35 км на юго-запад от Георгиевской крепости, т. е. почти в противоположную сторону)? — становится бессмысленным.

* * *

13 июля. Лермонтов уже два месяца в Пятигорске. Отдыхает, гуляет, развлекается, лечится. И явно не хочет отправляться в экспедиционный отряд, воевать. Дело не в банальном отлынивании от службы. Думаю, он осознавал, какие стихи записывались им в записную книжку. И хотел продлить "мгновение". Взять, например, первые четыре строки из хрестоматийного:

Выхожу один я на дорогу.
Сквозь туман кремнистый путь блестит.
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу.
И звезда с звездой говорит.

Очень простые строки и очень простые слова. Никаких замысловатых метафор, символов и всяких таких "фигур". Разве что в четвертой строке, но тоже достаточно просто. Я мог бы написать эти слова. Может быть, каждый мог бы написать. Но в том-то и дело, что такого, единого и цельного, мы никогда не напишем. Потому что это уникально и это потрясающе. И никак не сопоставить автора, которому "так больно и так трудно", с тем досужим едким балагуром, который собирается на вечеринку в дом генерала П.С. Верзилина. Автор почти пушкински ищет "свободы и покоя", а не боевых подвигов. Их уже было у него. И еще автор хочет "забыться и заснуть, но не тем холодным сном могилы..." Не отсюда ли проросли строки И. Анненского:

Когда б не смерть, а забытье,

Чтоб ни движения, ни звука...

А значительно позже и строки В. Высоцкого:

Ах, как нам хочется, как всем нам хочется
Не умереть, а именно уснуть.
(«Баллада об уходе в рай». 1975)

Последнее стихотворение в записной книжке — «Пророк». Лермонтов сознательно и отважно, вплоть до повторения названия, встал на пушкинский путь. Но это был не спор, это был другой шаг на этом пути. Достойный шаг. Анненский, вспоминая Достоевского, написал: "В последние годы он охотно читал обоих «Пророков»".

К последним стихам Лермонтова особенно не получается подтащить вердикт, распространяемый с некоторых пор: Лермонтов был великий поэт, но плохой человек. С вредным характером. И еще — сам виноват. Сторонники этого вердикта не принимают во внимание пушкинскую формулу о гении и злодействе. А в ней главное — четко осознавать, что такое гений и что такое злодейство. Последние стихотворения Лермонтова безоговорочно подтверждают первое по отношению к нему. А второе... Да, он был насмешлив, неуравновешен, несдержан, желчен. И в то же время — весел, общителен, компанейски жизнерадостен. И не фальшив. Но злодейству не подвержен. Это подтверждает хотя бы его первая дуэль и все, что с ней было связано. А кто обижается... нет, не так: кто хочет вынашивать обиду, тот ее вынашивает.

Итак — 13 июля. Что если бы князь С.В. Трубецкой, живший в Пятигорске с Лермонтовым в одной усадьбе, играл на рояле немного подольше и погромче? Князь, кстати, был еще тот "шутник" и несмотря на высокое положение семьи тоже был сослан на Кавказ. В невинной болтовне со старшей дочерью хозяйки дома наперебой острили двое приятелей — Лермонтов и майор Л.С. Пушкин, тоже сославшийся на Кавказ и "будучи вечно под пулями". И тоже писавший стихи. Но при виде Н.С. Мартынова шуточная рифма родилась у Лермонтова, и он не замедлил ее произнести. Тут внезапно смолкнул рояль, и Мартынов, услышав последнее слово, посчитал его достаточным для обиды в связи со своим внешним видом и сделал Лермонтову гневное замечание. Тот никакого значения этому не придал. И зря. А что если бы придал и на всякий случай извинился? Ну хотя бы не стал подзадоривать Мартынова простодушной фразой по окончании вечера, в прихожей, — простодушной, но и насмешливой? Ведь он был умнейший человек, поэт, знавший цену словам. Если бы Лермонтов был таким, как хочется, да еще 180 лет спустя...

Но он был тем Лермонтовым, каким был, и нашим действительным Лермонтовым, за полтора года до того дня опубликовавшим повесть с красноречивым названием «Фаталист», повесть про "странное предопределение". В ней — ответы на мои "если бы" и их исключение. Он как раз и был человеком "того неопределенного, хотя и сильного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или с судьбою..." И вот эти ответы:

"...имея правило ничего не отвергать решительно и ничему не верить слепо..."
"Ну, уж коли грех твой тебя попутал, нечего делать: своей судьбы не минуешь!"
"В эту минуту у меня в голове промелькнула странная мысль: <...> я вздумал испытать судьбу".
"Я люблю сомневаться во всем: это расположение ума не мешает решительности характера; напротив, что до меня касается, то я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает. Ведь хуже смерти ничего не случится — а смерти не минуешь!"

Так что не мог Лермонтов на всякий случай извиниться... Впрочем, о происшедшем в тот вечер в доме Верзилина известно со слов собеседницы Лермонтова, из-за которой, как говорят, и вспыхнула обида. А как оно было на самом деле, мы, уж верно, никогда не узнаем.

Анненскому было "трудно не залюбоваться", перечитывая лермонтовского «Фаталиста». Он ведь тоже был человек сомнения. Для него тоже важнейшей была "одна эстетическая связь с жизнью — чисто интеллектуальная". "Но мысль для Лермонтова серьезна — она не уступит ни фантазии, ни страху, ни агностицизму смирения. Она отступит только перед риском, перед действием". Анненскому особенно понравилась мысль про "азиатские курки", высказанная Максимом Максимычем. И я люблю этот веселый финал повести. Да, в этой повести есть веселые места, например: "Я жил у одного старого урядника, которого любил за добрый его нрав, а особенно за хорошенькую дочку Настю".

Сам Лермонтов снимал комнату в хатке по соседству с домом старого генерала Верзилина (сегодня «Домик Лермонтова»), и в нем ему всегда были рады три хорошенькие генеральские дочки. Старшей вечером 13 июля он "дал слово не сердить меня больше"...

А когда вызов на дуэль случился, пути назад не было. Такие были времена.

* * *

15/27 июля — день гибели Михаила Юрьевича Лермонтова.

Про эту дуэль написано много. Но все, что у нас есть, — это сомнительные воспоминания, версии, догадки, фантазии. Ясно только, что ничего не ясно. Не говоря уж про обстоятельства, мы не знаем точно ни места дуэли, ни места первого захоронения; впрочем, это не так и важно. А важно то, что скрывание, искажение, многолетнее умолчание начались сразу же, прямо с официального следствия и тех, кто к нему был причастен. Значит — было что скрывать. Значит — была такая команда. А погиб поэт, значение которого было уже осознано многими современниками. И значит — не Лермонтов "сам виноват", а злодейство было совершено по отношению к нему. И я склонен присоединиться к его приятелю Р.И. Дорохову, отчаянному храбрецу и дуэлянту: это была не дуэль, это было убийство.

Доказательств нет. Но есть стихи Н.С. Мартынова. Да, он тоже писал стихи. Так что знал, в кого целил. Вот такие, например:

На всем пути, где мы проходим,
Пылают сакли беглецов.
Застанем скот — его уводим,
Пожива есть для казаков.
Поля засеянные топчем,
Уничтожаем все у них...
Мы их травили по долинам
И застигали на горах...

Или такие:

Я убью узденя!
Не дожить ему дня!
Дева, плачь ты заране о нем!..
Как безумцу любовь,
Мне нужна его кровь,
С ним на свете нам тесно вдвоем!..

Сравнивать ли со стихами Лермонтова, тогдашнего "спецназовца" в "делах" с горцами? Вспомним, в каком бутафорском наряде щеголял в Пятигорске Мартынов. Фальшь и выпендрож на пустом месте раздражали Лермонтова всю недолгую жизнь и были припечатаны им к бумаге. И в «Маскараде», и в «Герое нашего времени», и в лирике.

Зато видал я представленья,
Каких у вас на сцене нет...

Кстати, о бутафории и декорациях. Известно отношение к этому Анненского. Он ведь однажды присутствовал при вызове на дуэль, но это была уже "сцена", хоть и глубоко его потрясшая. Может быть, и поэтому ему был так понятен и близок Лермонтов.

Подумать только, он не дожил до 27-ми лет! Подумать только: то, что он написал, — это было лишь начало творческого пути, первые зрелые и мощные шаги на нем. Какие "новые художественные тайны" он нам не открыл...

Но —

"Говорят, что во время дуэли, под дулом пистолета, у него было веселое лицо. Жалеть ли о нем?"

Так Анненский написал о презрительном выражении, отмеченном в сообщениях пятигорского окружения Лермонтова.

* * *

Имя Лермонтова занимает значительное место в творчестве Анненского. Хотя формально в прозе это две статьи и один черновик (из этих 5-ти листов, к сожалению, опубликованы только извлечения). Кроме того, несколько абзацев в статье «Символы красоты у русских писателей». В поэзии — многочисленные обращения и заимствования в поэме «Магдалина» и попытка соперничества в переводе стихотворения Гете «Ночная песнь странника».

Конечно, многочисленные упоминания в УК-рецензиях. И еще мы знаем из воспоминаний В.А. Пяста о чтении и разборе Анненским "совсем незадолго до смерти" стихотворения «Выхожу один я на дорогу...» Очень жаль, что этот звуковой анализ музыкальности Лермонтова, "которого он, как редко кто, умел любить", не сохранился непосредственно от автора.

Первая, "школьная", статья-доклад о Лермонтове — «Об эстетическом отношении Лермонтова к природе» — приурочена к 50-летию гибели поэта. Она начинается неясной фразой: "На школе лежит долг хранить и поддерживать память о родных поэта". Примечательно также: Анненский говорит, что "сотни тысяч книг с его именем, портретом, стихами хлынули по всей России такой благодатной волной", и при этом обращается к немецкому издателю и комментатору. Похоже, что, готовя доклад, он еще не успел прочитать 6-й том собрания сочинений, подготовленного П.А. Висковатовым; он вышел в том же 1891 году, с первой биографией Лермонтова.

Уже название статьи дает два повода для размышлений: первый — слово "эстетическое", проходящее через все труды Анненского, вплоть до набросков доклада «Об эстетическом критерии»; второй — слово "природа". Ведь «природа вообще действует на меня не сильно», как он сам написал за год до того. Это утверждал и сын в своих воспоминаниях. Но при этом природа составляет целую тему в творчестве Анненского.

В статье о красоте из «Второй книги отражений» Анненский замечательно отметил в творчестве Лермонтова *вызов*. Так ведь и короткая жизнь М. Ю. была полна вызовов: в семье, в учебных заведениях, в любви к женщинам, в службе, в отношениях с властью. Вызовом и закончилась.

"Поэзия Лермонтова отзвучала слишком рано, чтобы его мечтательное отношение к жизни можно было назвать вполне сложившимся. По-моему, он не успел даже самоопределиться."

Статью «Юмор Лермонтова» можно назвать одной из вершин поздней анненской прозы. Это в полной мере *поэзия мысли*. И в ней снова мы несколько раз встречаем слово "эстетическое". Однако путь пройден большой: от фразы "творцу угодно было отозвать его в лучший мир" в

статье 1891 г. до фразы "Не было русского поэта, с которым покончили бы проще..." Но последний абзац в статье — это нечто потрясающее. Анненский заговорил от первого лица и — то ли это мыслимые слова Лермонтова, то ли это сам Анненский обратился к нам через Лермонтова. Все так же "одна звезда говорит с другой", но "кремнистый путь" уже стал "щебнем шоссе". И нам предлагается понять, в том числе и о последнем вызове поэта:

"Я люблю силу, но так как вражда часто бессмысленна, то противоестественно и ее желать и любить. Какое право, в самом деле, имеете вы поить реку кровью, когда для нее тают чистые снега? Вот отчего я люблю силу, которая только дремлет, а не насилует и не убивает..."

Получается, что Лермонтов волновал Анненского всю творческую жизнь.

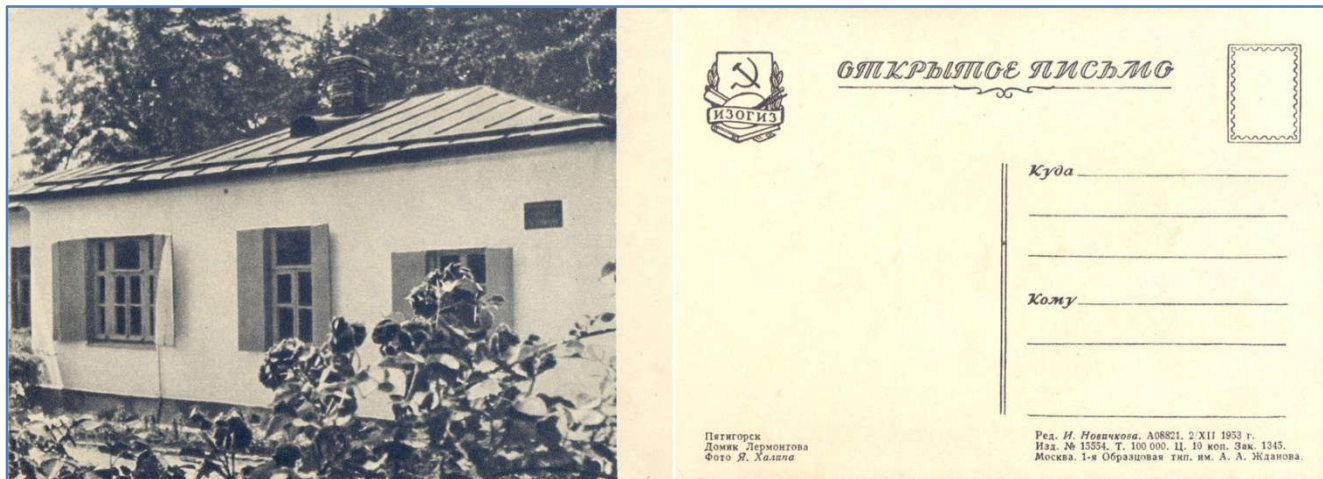
* * *

Отступление частного свойства. Дело в том, что Пятигорск — один из трех родных для меня городов. Там родилась и выросла моя мать, там прожили свои жизни и похоронены мои бабушка и дедушка. И я проводил там летние месяцы с той поры, когда мне не было еще года, и до времени, когда я уже был отцом. Поэтому имя Лермонтова и места, связанные с ним в Пятигорске, известны мне с раннего детства. Определенную роль играло то, что Лермонтов всегда был важной частью городской рекламы для приезжающих на отдых и лечение. С некоторых пор это досаждало, но я относился (и отношусь) к этому как к природной неизбежности; ведь всегда есть и положительная сторона, и всё, в конце концов, зависит от конкретных людей. На бытовом уровне это отражается в самых простых вещах — в фотографиях, открытках, значках, сувенирах, которые теперь стали частью семейной истории. Да, это удивительно, но Лермонтов стал частью моей семейной истории. Кое-что покажу.

1. Фото Домика Лермонтова (слева), 1975 г. Из моих первых подростковых фотоопытов. Отсюда и качество снимка. Крыша еще железная.

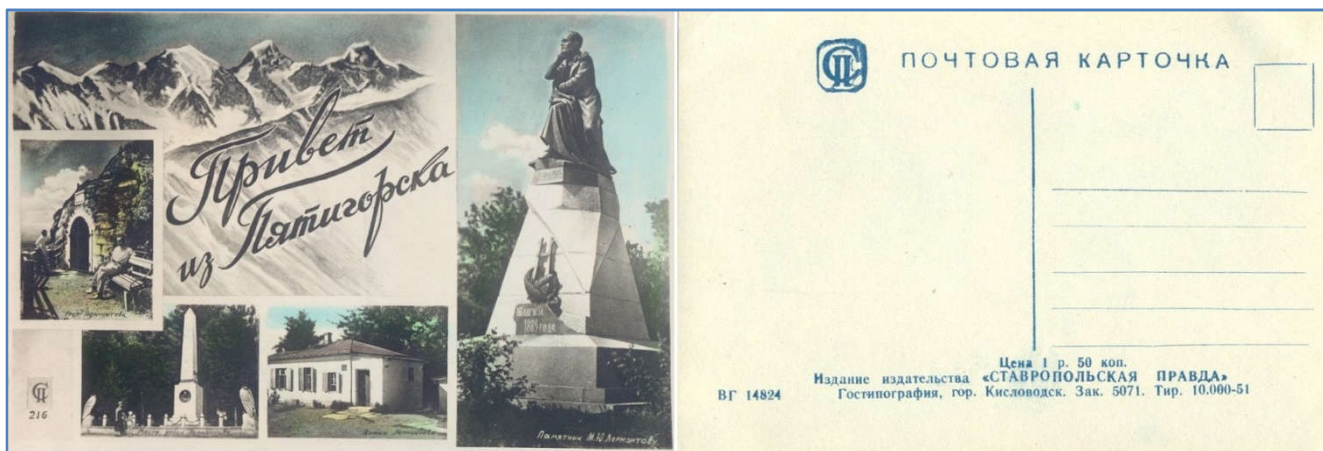
2. Домик Лермонтова. Ч/б "открытое письмо" 1953 г.

3. Домик Лермонтова. Уже цветная "открытая карточка" 1954 г. А фотограф тот же.

4. Коллаж "Привет из Пятигорска". Раскрашенная "почтовая карточка" 1951 г. Некоторое недолгое время ч/б фотографии на продажу раскрашивали. Подписи еще рукописные. У "грома Лермонтова" тогда была скамейка.

5. Место дуэли Лермонтова. Раскрашенное фото из сувенирного набора "Всесоюзная здравница Пятигорск" 1950 г.

6. Место дуэли М.Ю. Лермонтова. Цв. "почтовая карточка" 1954 г. Маме тогда нравилось обшивать открытки. А мне эти грифы раньше напоминали химер Нотр-Дама. Известно, что скульптор обелиска был против их установки, как и ограды.

7-8. Место первого захоронения Лермонтова на Лазаревском кладбище. Всегда было странно — зачем такая мощная ограда. Из моих первых подростковых фотоопытов.

